

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Судьбы латиноамериканской революции

На сцене и за кулисами первой конференции компартий Латинской Америки

В статье рассматривается ход первой конференции компартий Латинской Америки, на базе архивных документов анализируются ключевые подходы к ряду важных проблем революционного движения континента.

Ключевые слова: Коминтерн, коммунисты Латинской Америки, первая конференция компартий, стратегия левых.

Первая конференция компартий Латинской Америки (Буэнос-Айрес, 1929 г.) долгие годы казалась образцом открытости коммунистического движения. Предварительная подготовка и ход конференции освещалась в партийной прессе («La Correspondencia Sudamericana», «Правда»). Для широкого обсуждения в партиях были опубликованы тезисы, а затем — стенограмма конференции, резолюции, состав участников¹. В этой внешней открытости проявлялось присутствие в Коммунистическом интернационале некоей эйфории по поводу ситуации в коммунистическом движении Латинской Америки, вызванной характером и масштабами обсуждения проблем континента на VI конгрессе. В Исполнительном комитете Коминтерна (ИККИ) явно считали возможным подвести итог победоносного десятилетия и обозначить перспективы решительного наступления. Соответствующая оценка мероприятия была дана в марксистской литературе². Однако ход конференции, характер дискуссии, а в особенности ее закулисная часть глубоко разочаровали организаторов, хотя в итоговых документах говорилось об успехе конференции, и к ее анализу возвращались и через десятилетия, давая оценки только в превосходной степени.

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ, профессор СПбГУАП; Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

Чтобы хотя бы частично восстановить подлинную картину, приоткрыть занавес, понадобились годы, и открытые недавно документы позволяют увидеть, что официальная часть конференции — дебаты на пленарных заседаниях — была вершиной айсберга. Между тем, как в «классических» исследованиях по истории коммунистического движения в Западном полушарии³, так и в недавно опубликованных работах, важные аспекты первой конференции компартий Латинской Америки не изучены в полной мере⁴. Многое оставалось за кулисами: и в том, что касается подготовки, состава участников, и самого хода конференции. Для Коминтерна не меньшее, а может быть, даже большее значение имели неформальные встречи с делегациями, позволявшие глубже вникнуть в дела партий, изучить проблемы стратегии и тактики, которые не могли обсуждаться публично. Эти консультации придали конференции «не только характер демонстрации и внешней агитации, но и характер внутренней работы». По оценке представителя ИККИ на профсоюзной конференции в Монтевидео и континентальном коммунистическом форуме «Луиса» (под этим псевдонимом работал в Латинской Америке Жюль Эмбер-Дро), она была «подготовлена главным образом во время съезда в Монтевидео» именно переговорами с представителями компартий⁵. Ключевыми вопросами в этом плане были взаимоотношения коммунистов с мелкобуржуазными революционерами в Бразилии, пути формирования компартии в Перу и, наконец, планы вооруженной антиправительственной борьбы левых в Мексике. В настоящей статье предпринята попытка заполнить существующую лакуну в историографии путем сопоставления архивных документов и стенограммы конференции, а также опубликованных научных работ.

КОМИНТЕРН И ЛУИС КАРЛОС ПРЕСТЕС: У ИСТОКОВ НЕПОНИМАНИЯ

Первое неформальное совещание на латиноамериканской почве Ж.Эмбер-Дро провел еще по дороге в Монтевидео, встретившись в начале мая в пригороде Рио-де-Жанейро с членами Политбюро Коммунистической партии Бразилии (Partido Comunista do Brasil, PCB). На основании впечатлений от своего молниеносного пребывания в стране глава Латинско-американского секретариата ИККИ пришел к выводу о существовании здесь «набирающего силы [рабочего] движения», и *«если все это не разрушат в Москве, в Бразилии можно будет сделать великие дела»*.

Первоначально представителей Коминтерна и его Южноамериканского секретариата (ЮАСКИ), главного организатора конференции, не очень порадовали обширные доклады, освещавшие состояние революционного движения. Главным в них было стремление доказать необходимость того, чтобы Интернационал направлял «побольше денег, побольше делегатов, побольше военных экспертов для подготовки революции в их соответствующих странах и т.д.». Но в конечном итоге, по мнению делегата ИККИ, удалось, «преодолевая революционную фразеологию», провести деловые встречи, позволившие получить информацию о положении рабочего класса и крестьянства, рабочем движении, деятельности компартий и профсоюзов. Эти сведения в значительной степени конкретизировали и уточняли представления, сложившиеся в Коминтерне, и стали хорошей основой для ор-

ганизации работы конференции. Эмбер-Дро отмечал «поражающие результаты» этих бесед, «полных интереса и глубоко трогających революционера». Встречи проходили в разном формате, с разными участниками. Со стороны Коминтерна во всех беседах участвовали Эмбер-Дро и секретарь ЮАСКИ Викторио Кодовилья, иногда к ним присоединялись представитель ИККИ в ЮАСКИ Эджидио Дженнари (Росси), представитель ИККИМ Захарий Михайлович Рабинович (Пьер), делегат Профинтерна в Мексике Эннио Ньюди (Орестес).

В одних случаях встречи носили чисто информационный характер⁶, но большей частью в беседах затрагивались важнейшие вопросы стратегии и тактики отдельных партий и всего континентального коммунистического движения. Кардинальной проблемой, обсуждавшейся и на пленарных заседаниях, и в кулуарах конференции, были возможности использования различных организационных форм создания и функционирования партий, проблема, остро дискутировавшаяся еще на VI конгрессе Коминтерна. Этот вопрос касался нескольких партий и групп, учреждавшихся в рамках других рабочих партий или под другими названиями. Своеобразная ситуация сложилась в Панаме, где коммунисты использовали в своих целях инициативу правительства по учреждению партии типа британской лейбористской и сформировали легальную Лабористскую партию (Partido Laborista, PL) с индивидуальным и коллективным членством, внутри которой создали коммунистическую группу. Это позволило коммунистам действовать легально и контролировать значительный сектор профсоюзного движения страны⁷. Позиция Коминтерна в интерпретации Эмбера-Дро была жесткой — устранить разнообразие в формировании компартий: в панамском случае коммунистам ставилась задача преобразовать PL в партию, основанную на принципах Коминтерна, а потом, учитывая ее пролетарскую базу, учреждать блоки рабочих и крестьян, заменяя коллективное членство в партии на вхождение профсоюзов в эти блоки.

Еще одним стратегическим вопросом для латиноамериканского коммунистического движения являлась возможность союза с другими политическими силами и непролетарскими секторами революционного движения. Делегация компартии Бразилии поставила перед Коминтерном вопрос о возможности выдвигать своих кандидатов на президентских выборах или поддержке кандидатов революционной мелкой буржуазии. РСВ расценивала ситуацию как деликатную, так как речь шла не только об электоральных шансах партии, но и, на ее взгляд, о реальной возможности революционных выступлений, в которых ведущую роль должна была сыграть мелкая буржуазия. Для партии возникала необходимость определить позицию в отношении непролетарских революционных движений, в том числе в связи с вопросом о президентских выборах 1930 г. В качестве приоритетного варианта рассматривались консультации с капитаном Луисом Карлосом Престесом* и — при условии «его готовности бороться на нашей стороне» — поддержка его кандидатуры на пост президента⁸.

* Лидер движения «тенентистов» (movimento tenentista, revoltas tenentistas; от порт. tenente — «лейтенант») — военно-политического движения молодых офицеров бразильской армии с демократическими убеждениями, развернувшегося в 1920-х годах. Командир «Непобедимой колонны» («Колонны Престеса»), прошедшей в боях с правительственными войсками через всю территорию страны (1924—1927 гг.).

Делегат Коминтерна заявил, однако, о недопустимости ставить позицию партии в отношении выборов в зависимость от положительного или отрицательного ответа Престеса, требуя проявлять большую независимость в отношении политики революционной мелкой буржуазии, выдвигая на выборах собственных кандидатов и собственную программу, увязывая в ней первоочередные требования с фундаментальными задачами: земля — крестьянам и рабоче-крестьянское правительство. «Это мелкая буржуазия должна определиться, а не наша партия, — заявил Эмбер-Дро делегатам РСВ. — Во всех наших действиях мы должны стремиться к следующему: если мелкая буржуазия поддерживает наших кандидатов — хорошо, если она их не поддерживает, наша ясная и четко определенная программа лучше программы мелкой буржуазии. Пусть Престес представит массам программу, отличающуюся от нашей, чтобы реализовать ту политику, о которой я говорю»⁹. Его поддержал глава ЮАСКИ Кодовилья, расценивший позицию партии в отношении тенентистов как опасную, полагая, что «речь идет о настоящем подчинении нашей партии политике мелкой буржуазии, ибо каждый раз, когда нам нужно будет осуществить какое-либо интенсивное революционное действие, мы тут же задаемся вопросом, а что по этому поводу подумает колонна Престеса?».

Вершители судеб латиноамериканского коммунистического движения усматривали в стратегических установках бразильских товарищей «ошибочное предположение» о необходимости осуществления революции мелкой буржуазией и вытекающий из этого тактический просчет при создании совместного с тенентистами Военного комитета, лидером которого оставался «Рыцарь надежды» (Л.К.Престес). Эмиссары Москвы не допускали возможности сохранения руководства повстанческим движением в руках мелкой буржуазии. Престесу был брошен упрек в том, что его революционность «выражалась лишь в нескольких путаных декларациях и демагогической пропаганде», а РСВ предлагалось рассматривать его кандидатуру при условии участия в выборах «не с видами на «мирное» разрешение, а рассматривая их как средство агитации масс для революции. При этом в ИККИ и ЮАСКИ исходили из преувеличенного представления о влиянии партии на массы и непосредственно, и через рабоче-крестьянский блок. Контакты с Престесом объяснялись «недостаточной смелостью» РСВ, не считавшей возможным претендовать на роль лидера грядущей бразильской революции¹⁰. Особенно решительно на необходимости для партии «научиться умно работать для того, чтобы суметь порвать с Престесом и выступать совершенно независимо», настаивал представитель КИМа З.М.Рабинович, считавший лидера тенентистов неспособным «разрешить сложившуюся ситуацию»¹¹.

Подход коминтерновских чиновников был абсолютно волюнтаристским: «меньше озабоченности Престесом и больше веры в боевой дух масс». Такой лозунг не учитывал бразильских реалий и исходил из благих пожеланий, а не из объективной оценки влияния тенентистов на массы. Говоря о «настоящем едином фронте», эмиссары ИККИ подразумевали «фронт, который реализуется среди рабоче-крестьянских масс, а не тот, что реализуется между некоторыми мелкобуржуазными элементами и профсоюзными организациями рабочих и крестьян». Любые соглашения с Пре-

стесом рассматривались всего-навсего как необходимый маневр. РСВ предлагалось заставить мелкую буржуазию принять коммунистическую программу под вывеской рабоче-крестьянского блока, вынудить группу Престеса «претворять ее в жизнь» и, «так как это будет невозможно, <...> продемонстрировать трудящимся массам, что мелкая буржуазия не является революционной»¹². Такая позиция, позднее оформленная в виде письма ЮАСКИ к РСВ, лишала бразильских коммунистов инициативы в борьбе за создание единого фронта с левыми тенентистами в момент, когда за участие их лидера в борьбе на их стороне боролись различные политические силы, видя в нем долгожданного «великого вождя». ...В этом паломничестве к Престесу, как отмечал выдающийся бразильский писатель Жоржи Амаду, «было нечто от поисков мессии»¹³. При этом практически все группировки, пытавшиеся заручиться поддержкой Престеса, да и сам командир «непобедимой колонны», как указывает российский ученый Борис Иосифович Коваль, вели «двойную, и даже тройную игру, надеясь добиться для себя наибольшей выгоды»¹⁴.

Двусмысленность позиции РСВ, руководители которой хотели альянса с Престесом, но опасались нарушить директивы, выработанные в Буэнос-Айресе, привели к выставлению на следующем этапе переговоров с ним условий, на тот момент заведомо неприемлемых для вождя «Непобедимой колонны». В итоге партия была вынуждена прекратить прямые контакты с Престесом и впредь действовать через ЮАСКИ, чего, по сути, и добивался поддержанный Эмбером-Дро Кодовилья, считавший, что партия не может проявлять самостоятельность в принятии столь важных решений¹⁵. Целе-направленная борьба за «душу» Престеса, которую будут вести новые эмиссары Коминтерна в ЮАСКИ Август Яковлевич Гуральский (Рустико) и Артур Эверт (Бергер), вскоре даст результаты: в 1931 г. мятежный капитан будет приглашен в Москву, где сделает окончательный выбор в пользу коммунистического движения. Это был успех Коминтерна.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГЕРИЛЬЯ В МЕКСИКЕ: МАКИАВЕЛЛИЗМ КОМИНТЕРНА

Еще один узел противоречий латиноамериканского коммунистического движения был виден, как в капле воды, во время встреч с представителями Мексики. Во-первых, обмен мнениями показал, что, несмотря на дискуссии по «мексиканскому вопросу», до и во время VI конгресса Коминтерна не было выработано консолидированного подхода к оценке ситуации в стране и положения в революционном движении. Во-вторых, как и во многих случаях раньше, коминтерновские функционеры опирались на случайную информацию: не имея данных обо всей стране, делегат Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) Мануэль Родригес Серрильо оценивал ситуацию в крестьянском движении и отношений Национальной крестьянской лиги (Liga Nacional Campesina, LNC) с коммунистами на примере положения в штате Веракрус. Это не помешало ему на основании личного опыта дать оценку деятельности партийного руководства: ЦК не «хватает решительности, прежде всего потому, что его члены окопались в столице и не связаны с движением, развивающемся в различных регионах страны», и призвать ЦК покинуть Мехико и «окрестьяниться» (вжиться в быт и традиции крестьян, завоевывая их симпатии и таким образом обрести среди них влияние)¹⁶.

Циничным выглядит поведение руководителей конференции по отношению к позиции лидера Унитарной профсоюзной конфедерации Мексики (Confederación Sindical Unitaria de México, CSUM) и члена Исполкома РСМ Хосе Давида Альфаро Сикейроса («Суареса»), подвергших на пленарном заседании резкой критике мексиканского делегата, заявившего: «Объективные и субъективные условия Латинской Америки являются откровенно революционными. <...> Если мы немедленно не возьмемся за оружие, то совершим серьезную ошибку». «Самое главное для Суареса — действовать вне зависимости от результатов, поскольку в случае разгрома остается возможность уйти в сьерру. Ни в коем случае нельзя бездействовать, так говорит нам товарищ Суарес»¹⁷, — так В.Кодовилья охарактеризовал эту тактику, названную на конференции «революционным каудильизмом», противопоставленным каудильизму буржуазному. Возражая делегату РСМ, он настаивал на том, что нет революции без серьезных объективных предпосылок, что революция не может развиваться иным путем, кроме пути массового движения. Его поддержал Эмбер-Дро, предостерегавший против революционного нетерпения, вызванного опасением, что работа по созданию настоящих компартий потребует годы: «Без движения масс нет революции. Нам нужна революция, а не голова [Хуана Висенте] Гомеса* <...>, она даст <...> землю крестьянам, власть трудящимся и уверенность в мирном и процветающем трудовом будущем», подчеркивал представитель ИККИ¹⁸. Таким образом, публично участники конференции отмечали невозможность вооруженного выступления без серьезных объективных предпосылок, настаивали на отсутствии альтернативы массовому движению, на том, что революция не может развиваться никак иначе, кроме как путем массового движения. Организация компартий как боевого авангарда трудящихся, их тесная связь с массами, создание организационных форм, позволяющих оказывать влияние на действия масс, мобилизовать их на борьбу, — эти задачи как на единственно верный путь к победе выдвигали участники конференции¹⁹.

Авторы официальной истории Коминтерна упрекали Сикейроса в попытке убедить делегатов «не терять времени на ожидание пролетарской революции, а <...> создавать очаги восстания в каждом районе», основывая этот призыв на утверждении, что во всей Латинской Америке уже сложились условия для революции и предлагали немедленно «устроить вооруженное восстание». Эта точка зрения характеризовалась в своеобразном «Кратком курсе» как «проявление субъективизма, которое на практике вело к ликвидации пролетарских партий, к их растворению в мелкобуржуазной стихии»²⁰. На самом деле Сикейрос вовсе не был идейным предшественником идеолога герильи 60-х годов французского социолога и журналиста Режи Дебре, считавшего партизанский отряд адекватной заменой политической партии в условиях permanently существующей в Латинской Америке революционной ситуации, а представители Коминтерна не выглядели яростными противниками вооруженного пути революции.

В действительности на конференции и в ее кулуарах Сикейрос не призывал заменить деятельность партии партизанской борьбой, а говорил о позиции партии во время антиправительственного мятежа, когда сложи-

* Речь идет о Х.В.Гомесе (1857—1935), венесуэльском диктаторе с 1908 по 1935 г.

лась своеобразная ситуация, требовавшая принятия неординарных решений. РСМ не могла поддержать реакционный мятежников, как не могла и однозначно встать на сторону президента Эмилио Портеса Хиля (1928—1930 гг.), с одной стороны, упрекавшего коммунистов в том, что они оставляют правительство в одиночестве, настраивая против него LNC, с другой стороны, отказываясь снабжать рабочих оружием, объясняя это нежеланием «кормить волков мясом»²¹. Руководители партии, выдвинув лозунги «Все они одним миром мазаны» и «Вышедшая из берегов река приносит удачу только рыбакам», занялись поисками оружия и созданием центров сопротивления. Они считали, что в случае быстрого окончания мятежа нельзя допустить разоружения своих отрядов (имея в виду бойцов LNC), а при длительных военных действиях надо будет занимать фабрики и сельскохозяйственные предприятия. По оценкам Сикейроса, у партии и LNC только в Веракрусе было 8—10 тыс. карабинов, в Халиско 600 вооруженных шахтеров шли за коммунистами. Возможно, это было некоторым преувеличением, но то, что правительство считалось в тот момент с LNC и стоявшей за ней компартией как с реальной силой, очевидно.

По мнению Сикейроса, главным лозунгом партии должен был стать призыв к революции, иначе ее ждет уничтожение «посредством такого же террора, который развернули против движения кристерос»*: *«Настал решающий час для партии. У нас есть оружие, и все готово для начала борьбы. Можем ли позволить разоружить и уничтожить нас? Наша задача состоит в том, чтобы создать Сандино** в каждом штате, развернуть партизанскую борьбу. Это найдет отклик в других странах Латинской Америки и создаст, возможно, другие вооруженные движения, например, в Колумбии. Если реакция будет побеждена, создастся ситуация, аналогичная венесуэльской, влияющая на латиноамериканские страны в гораздо большей степени, нежели ситуация в Никарагуа. Вот, что мы должны обсуждать на нашем съезде»*. Главным препятствием на этом пути мексиканский делегат считал многочисленность партии и недостаток в ней теоретиков²².

Из документов, однако, видно, что на секретных встречах все выглядело совсем не так, как на открытых заседаниях. Позиция Сикейроса была, несомненно, левацкой, но, обвиняя мексиканца в «революционном каудильизме», его критики выступали с позиций не менее авантюристических. На встрече с делегатами РСМ в узком кругу Эмбер-Дро упрекал партию вовсе не в «каудильизме», а в отсутствии политического содержания поддержки правительства при подавлении мятежа, когда члены LNC отбили Веракрус и передали его в руки властей. Делегат Москвы заявил, что там могла проявиться «подлинная отвага ... — ибо мы бы там оказались хозяевами государства — выдвижением вопроса о создании советов, об образовании в Веракрусе рабоче-крестьянского правительства вместо того, чтобы дейст-

* Речь идет о военном конфликте в Мексике (1926—1929 гг.) между федеральным правительством и повстанцами (само название «кристерос» происходит от исп. Cristo — Христос), боровшимися против ряда положений Конституции 1917 г., ограничивавших роль католической церкви в стране.

** Аугусто Сесар Сандино Кальдерон (1895—1934) — командующий Армии защиты национального суверенитета Никарагуа в ходе гражданской и национально-освободительной войны 1927—1934 гг.

воват в Веракрусе, как если бы мы составляли часть армии Портеса Хилля»²³. «Не следует ограничивать нашу тактику «герильей». *Если есть необходимость уйти в горы, это надо делать*; но сначала надо развернуть борьбу против реакции, придать вооруженной борьбе политическое содержание, тесно связав ее с защитой основных нужд рабоче-крестьянских масс», — наставлял мексиканских коммунистов Эмбер-Дро, сетовавший на слабость ЦК РСМ, «не обсудившего вовремя проблему революции, для того чтобы заняться военной организацией и осуществить работу по привлечению на свою сторону партизанских вождей»²⁴.

«Луис» ориентировал РСМ на противостояние с «капитулировавшим перед империализмом» правительством, которое «пытается покончить с партией насильственным путем, убивая товарищей, руководящих выступлениями масс». Он считал условия в Мексике подходящими для активных действий и призывал партию к открытой борьбе за власть: «Надо перейти в контрнаступление: партия не должна исчезать из вида, наоборот, *она должна сражаться открыто, в том числе с оружием в руках*, для того чтобы добиться своего легального существования»²⁵. Делегат ИККИ видел в сложившейся ситуации лишь два возможных варианта развития событий — либо помещичья реакция, стремящаяся уничтожить рабоче-крестьянское движение насильственным путем, установив диктатуру, либо трудящиеся будут вести борьбу за формирование рабоче-крестьянского правительства — и призывал РСМ «открыто бороться за власть и перейти от обороны к наступательным действиям». Эта позиция была декларирована Эмбером-Дро как инструкция Секретариата Коминтерна мексиканской компартии, делегаты которой должны были довести ее до сведения руководства, потребовав от него конкретных указаний по ее воплощению в жизнь. Между тем рекомендации для РСМ, прозвучавшие в Буэнос-Айресе, будь они бездумно реализованы партией, означали в тех условиях просто-напросто разгром коммунистического движения²⁶.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КОМИНТЕРНОМ И КОМПАРТИЯМИ

Еще одной проблемой, рассматривавшейся в ходе конференции, была проблема контактов и взаимодействия между коммунистическими партиями. На встрече с делегатом Рабочей (коммунистической) партии Америки (Workers' (Communist) Party of America (W(C)PA) Эмбер-Дро и руководители ЮАСКИ в очередной раз попытались перевести в практическую плоскость вопрос установления тесных связей между этой североамериканской партией и Секретариатом, обращая внимание на то, что, «если верно то, что американский империализм все в большей степени становится арбитром в проблемах латиноамериканских стран, важно, чтобы наша партия в США помогла в борьбе против этого империализма внутри своей собственной страны и в латиноамериканских странах». Викторико Кодовилья расценивал отношения с американскими товарищами как «исключительно бюрократические»: компартия США никак не откликнулась на призыв активно сотрудничать в политической подготовке латиноамериканской коммунистической конференции.

Американским коммунистам предлагался конкретный план сближения, предусматривавший: направление в США латиноамериканских товарищей для изучения ситуации в стране и «маневров империалистов»; издание бюллетеня на испанском языке «для информирования полуколоний о рабочем движении в метрополии и анализа проблем антиимпериалистической борьбы»; обмен функционерами между ЮАСКИ и W(C)РА. Эмбер-Дро выдвинул абсолютно утопическую идею: посылать коммунистов из США и Великобритании в Латинскую Америку, но «не в качестве функционеров, а в качестве рабочих — с целью поддержания самых близких отношений между пролетариатом метрополии и пролетариатом угнетенных стран». Основным доводом в пользу этого предложения было то, что американским рабочим легче работать в странах, где существуют диктатуры, преданные США, чем товарищам из Латинской Америки²⁷.

Партии обращались к Коминтерну за конкретной организационной и финансовой поддержкой. Гватемальские делегаты, ссылаясь на получение своими соперниками — анархистами — субвенций от Берлинского Интернационала профсоюзов*, позволяющих им проявлять значительную активность в рабочем движении, просили ИККИ выделить средства на оплату работы двух-трех освобожденных функционеров и принять двух членов партии в Международную ленинскую школу (МЛШ)**. Это могло помочь расширить возможности Коммунистической партии Центральной Америки (Partido Comunista de Centroamérica, ПССА), создавшей секцию партии в Гондурасе и обладавшей влиянием в ряде профсоюзов, в том числе реформистских, и сельскохозяйственных общин.

Ответ делегата Коминтерна, мягко говоря, был сдержанным: «Невозможно финансировать работу трех секретарей в партии, насчитывающей пятьдесят членов». «Луис» предложил группам, которые «не доросли до уровня партии, заняться пролетарской борьбой и проникнуться всеми ее аспектами», а средства для организации борьбы искать среди самих масс: «Возможно, К.И. сможет оказать вам разовую помощь, но товарищам не стоит тешить себя иллюзиями о постоянной помощи. Наша помощь будет состоять в другом: мы попытаемся помочь в политическом обучении кадров наших партий, посылая товарищей из ваших стран в Университет Трудящихся Востока***, и интенсифицируя отправку брошюр, книг и т.п.», — заявил Эмбер-Дро²⁸. Этот диалог с гватемальскими коммунистами лучше, чем что-либо другое показывает, насколько несостоятельна позиция авторов, настаивавших на гипотезе абсолютного вмешательства Коминтерна

* Международная ассоциация трудящихся (МАТ) (исп.: *Asociación Internacional de los Trabajadores*, АИТ; нем.: *Internationale ArbeiterInnen Assoziation*, IAA), международное объединение анархо-синдикалистских профсоюзов. Основана в конце 1922 г. на Берлинском конгрессе представителей анархо-синдикалистских профсоюзов как наследница Первого Интернационала, в связи с чем до 50-х годов была известна также под названием Берлинский интернационал профсоюзов и Международное товарищество рабочих. — *Прим. ред.*

** Международная ленинская школа (МЛШ) — учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки, действовала с 1925 по 1938 г. Первым ректором был Николай Иванович Бухарин. — *Прим. ред.*

*** Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ) — учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 г. — *Прим. ред.*

в дела партий и их материальной поддержке. На практике это далеко не всегда было так. Но в компартиях ждали такой помощи, и это не было желанием получать подачки из Москвы. В Коминтерне видели организатора коммунистического движения и надеялись на его конкретное участие в решении существующих проблем. В первую очередь это касалось партий, боровшихся в условиях жесточайшей реакции, как в Гватемале. Практика показывала, что далеко не всегда численность партии была равна степени ее влияния. Видимо, гватемальский диктатор Хорхе Убико понимал это лучше функционеров Коминтерна, обрушив на партию жесточайшие репрессии. И успех гватемальских коммунистов, получивших в 40—50-е годы поддержку своих единомышленников из других стран и сумевших стать важной составляющей политической жизни после октябрьской революции 1944 г. в Гватемале, возможно, демонстрировал упущенные III Интернационалом возможности в Центральной Америке. Бухгалтерский подход к революционному движению противоречил основополагающей идее международной компартии. Конечно, Эмбер-Дро не был Нострадамусом, но задача Коминтерна состояла не только в том, чтобы констатировать ситуацию в революционном движении, но и в том, чтобы прогнозировать и направлять его.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПАРИИ ПЕРУ: ДИСКУССИИ НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

Важной частью дискуссии на конференции было формирование компартии в Перу. В Коминтерне долгое время существовала серьезная озабоченность тем, что в Перу нет своей организации, в то время как ситуация там требовала «как можно быстрее создать коммунистическую партию»²⁹. Это было одной из причин длительной борьбы работников аппарата ИККИ за Виктора Рауля Айя де ла Торе* и впоследствии стало важной составляющей противостояния с Американским народно-революционным альянсом (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA). Во время пребывания в Москве посланца группы «Амаута»** Хулио Портокарреро ему, несмотря на его сомнения в целесообразности создания в тот момент компартии (он считал более предпочтительным для рабочего движения страны учреждение секции APRA), предлагали взять на себя инициативу по ее формированию. Сам же эмиссар сторонников Хосе Карлоса Мариатеги считал такое дело под силу только их идеологу³⁰. В конечном итоге в Москве признали «весьма затруднительным» дело создания в Перу компартии «без активной помощи группы Раймундо***. Только рассеяние иллюзий, которые он питает по отношению к APRA, сделают его активным создателем партии, наряду с Мариатеги [так в тексте], ибо помимо его искренности и преданности он обладает большими организационными способностями»³¹.

* Виктор Рауль Айя де ла Торе (1895—1979) — известный перуанский политик левого толка. Основатель и многолетний лидер влиятельной перуанской политической организации Американский народно-революционный альянс (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA). — *Прим. ред.*

** Сторонники Коминтерна, группировавшиеся вокруг издававшегося Хосе Карлосом Мариатеги журнала «Амаута» (Учитель). Амаутгой его соратники называли самого Мариатеги.

*** «Педро Раймундо» — псевдоним Хулио Портокарреро во время его поездки в Европу.

Первоначальный план отмечал «недостаточность сохранения статуса, т.е. сохранения литературной группы Мариатеги», требуя от нее «проникнуть в пролетарскую массу и привлечь лучших пролетарских активистов». Коминтерн считал необходимым *убедить* Портокарреро в необходимости отказаться от заблуждений в отношении APRA, показав ему на примерах, что представляет собой деятельность этой организации³². С другой стороны, ИККИ предполагал направить Мариатеги специальные директивы об идеологических и организационных принципах создания компартии.

Провозглашение 7 октября 1928 г. создания Социалистической партии Перу (Partido Socialista del Perú, PSP), внутри которой действовала коммунистическая «группа семи» во главе с Мариатеги, по оценке Кодовилья, «пользовавшегося большим уважением среди трудящейся массы страны и главным образом среди эксплуатируемых индейцев», было воспринято в Коминтерне как база для формирования партии³³. ИККИ и ЮАСКИ поддерживали постоянную эпистолярную связь с лидерами «группы семи» Хосе Карлосом Мариатеги и Рикардо Мартинесом де ла Торре (планы направить в Перу специального представителя Секретариата так и не были в это время реализованы). В этой переписке со стороны структур Коминтерна постоянно подчеркивалась главное достижение перуанских коммунистов — их размежевание с апризмом. При этом Кодовилья отмечал, что у APRA сохраняется хорошая цель — объединение всех антиимпериалистических сил. Он подчеркивал, что попытки создать единый фронт из различных организаций, отличающихся по социальному составу и с противоречащей друг другу идеологией, всегда заканчиваются так, как в случае с APRA — появляется объединение, «не обладающее принципами и перенасыщенное демагогической фразеологией, не обладающее перспективой»³⁴. Кодовилья признавал историческую неизбежность появления APRA, как «содружества сил, выражающих народное недовольство и задачи борьбы против империализма и его национальных агентов... в те моменты, когда мы, революционеры, не уделяли достаточно внимания антиимпериалистической проблеме»³⁵. Но после создания Всемирной антиимпериалистической лиги*, беспартийной организации, объединяющей в своих рядах все антиимпериалистические силы мира без идеологических различий, по его мнению, APRA изжил себя.

Кодовилья, вне всякого сомнения, лукавил. Кому, как не ему, одному из организаторов Брюссельского антиимпериалистического конгресса, формально учредившего Лигу, было известно, что, по сути, Коминтерн делает все для превращения Лиги в базу для распространения коммунистической идеологии. Да он и сам признавался в том, что цель этих организаций единого фронта — обеспечить победу коммунистических сил, *«ибо сама динамика борьбы ведет постепенно к пролетарской революции»*. Условиями победы Кодовилья считал наличие у компартии собственного аппарата, проведение пропаганды своей программы и конечных задач и «борьбы за цели, которые привели к созданию

* Антиимпериалистическая лига (фр. Ligue contre l'impérialisme et l'oppression coloniale) — международная организация, выступавшая против империализма, действовавшая в 1927—1937 гг. Была основана 10 февраля 1927 г. в Брюсселе. На конгрессе присутствовали 175 делегатов, из них 107 — из колоний. В их числе были такие известные деятели, как Альберт Эйнштейн, Джавахарлал Неру и Артур Макманус. — *Прим. ред.*

единого фронта — в тот момент, когда буржуазные элементы его предадут, а она продолжит борьбу»³⁶.

Отношения Мариатеги и Коминтерна долгие годы являлись предметом полемики между разными течениями в историографии³⁷. Открытые недавно архивные документы позволяют внести ясность в дискуссию. Нельзя не согласиться с утверждением российского автора Юрия Павловича Гаврикова о «заметном уважении», проявлявшемся в III Интернационале к перуанскому марксисту. Однако и подвергнутый им критике Лусиано Кастильо* вовсе не был «дезинформатором», распространявшим «утку» о «выговоре», полученном Мариатеги на Первой конференции компартий Латинской Америки³⁸. Вряд ли можно говорить о «конфронтации» «Амауты» с Коминтерном: он явно не считал свои взгляды противоречивыми позиции ИККИ, а пытался решать проблемы зарождающегося в Перу коммунистического движения, учитывая национальные особенности. Но после VI конгресса функционеры Коминтерна думали вовсе не так. И если генсек РСР, в прошлом активный априст, Эудосио Равинес действительно «делал все для того, чтобы в ИККИ на первом плане было его имя, а не имя подлинного руководителя партии»³⁹, то надо признать, что почву для того, чтобы привить это представление, создали сами коминтерновские функционеры.

Главное расхождение Коминтерна с группой «Амаута» возникло довольно быстро. Они по-разному понимали возможности формирования компартии в специфических условиях Перу. Нельзя считать позицию III Интернационала примитивно догматической с самого начала. Лучшее доказательство толерантного подхода к этому вопросу проявилось при приеме в Коминтерн новых партий на его VI конгрессе. Дань сомнениям отдал и Кодовилья, который хотел получить разъяснения из Москвы: нужно ли создавать компартию, которая сразу станет мишенью реакции, в странах, где существуют партии типа лейбористской или социалистической, возглавляемые коммунистами, подчиняющимися политике Коминтерна; создавать компартии в таких странах, как Перу, «где существуют революционные социалистические группы и где социализм еще не скомпрометирован парламентаризмом... или же под социалистическим знаменем надо проводить коммунистическую политику?»⁴⁰.

Еще до проведения континентальной конференции компартий ЮАСКИ Кодовилья стал занимать все более критическую позицию относительно взглядов Мариатеги на вопрос о форме существования коммунистической организации в Перу. Кодовилья настаивал на необходимости проведения четкой грани между понятиями «социалистический» и «коммунистический» и в принципе, и в названии партии. Внимание перуанских сторонников Коминтерна обращалось на то, что «знамя социализма служило и служит для сокрытия всех предательских актов социалистических вождей, для изменения социальных целей партии, то есть наличествует тенденция все большего объединения рабочей аристократии, мелкой буржуазии и интеллектуалов, в то время как коммунистические партии приобретают все более пролетарский характер — как в силу своего социального состава, так и в силу своей идеологии»⁴¹. И вывод отсюда уже делался, со ссылкой на Ле-

* Член ЦК PSP, выступавший против присоединения к Коминтерну.

нина («конкретные условия той или иной страны вовсе не могут быть аргументом против создания коммунистической партии»), однозначный: в Перу необходимо создать именно компартию, придавая ей четкую идеологию, а в борьбе она обретет гегемонию в народном революционном движении⁴². И хотя Кодовилья писал, что все это будет обсуждаться на буэнос-айресской конференции, позиция Мариатеги по вопросу о роли и названии партии оценивалась им априори как неправильная. Важным штрихом, характеризующим полемику по поводу отношений Коминтерна и Мариатеги, является то, что Кодовилья впервые предъявил претензии к теоретическим воззрениям идеолога перуанской коммунистической группы в связи выходом статьи «Годовщина и итоги», опубликованной в № 17 журнала «Амаута», которую впоследствии генеральный секретарь РСР Хорхе дель Прадо будет приводить как демонстрирующую интернационализм Мариатеги⁴³.

На самой конференции, особенно во время секретных переговоров, когда внешне делегатов Перу продолжали *убеждать*, оказывать серьезное давление с целью изменить их позицию по этому принципиальному вопросу, Хулио Портокарреро («Самора») и Уго Пеше («Сако») представили солидное обоснование линии «Амауты»: группа выступает за создание в стране пролетарской партии, стоящей на позициях Коминтерна; однако формировать партию с названием «коммунистическая» в нынешних условиях рано, «ибо масса обладает ошибочной концепцией коммунизма, большевизма, которые считает сообществом бандитов или террористов»; «социалистическая партия» провозглашена с условием контроля над ней коммунистической группы («название социалистической партии станет лишь ярлыком, содержание же окажется коммунистическим»); создание компартии без возможности сохранить необходимую линию будет означать ее дегенерацию в реформистскую партию; коммунистическая группа будет производить отбор желающих вступить в партию, не допуская ее засорения нежелательными элементами; компартия в условиях диктатуры не сможет действовать легально, признанные лидеры группы «Амаута» — Хосе Карлос Мариатеги и Антонио Наварро — слишком хорошо известны, чтобы руководить подпольной партией⁴⁴.

Но у оппонентов из Москвы и Буэнос-Айреса была иная логика. Они считали, что в единственную партию, противостоящую диктатуре (у APRA, по их мнению, еще не было солидной базы в стране), хлынут мелкобуржуазные элементы и интеллектуалы с путаной идеологией, представляющие опасность для коммунистического движения, превратив ее «в настоящий конгломерат всех недовольных нынешним правительством, и будет затруднительно для... нашей маленькой коммунистической группы контролировать и руководить этими элементами в соответствии с нашей тактикой». Секретарь ЮАСКИ опасался, что своими действиями сторонники Мариатеги помогут «созданию социал-демократии в Перу вместо того, чтобы всячески помешать этому посредством создания коммунистической партии»⁴⁵.

Делегат Коммунистической партии Уругвая (Partido Comunista del Uruguay, PCU) Леопольдо Сала, поддержавший в дискуссии представителей Коминтерна, был крайне удивлен «интересом» группы «Амаута» к мелкобуржуазным и интеллектуальным элементам. Разъяснение Уго Пеше, врача по профессии, о необходимости «использовать их для обретения гарантий пропаганды, без которой невозможно развернуть нашу деятель-

ность», не убедило уругвайца. Он считал необходимым препятствовать вступлению в партию «опасных элементов, весьма восприимчивых к идеологической коррупции (а то и уже коррумпированных)...», которые «сегодня будут друзьями, чтобы завтра превратиться в заклятых врагов, когда коммунистическая группа начнет осуществлять контроль». Сала предлагал объединять их во внепартийных организациях, таких как Антиимпериалистическая лига, МОПР*, «сохраняя контакт с ними, который стал бы одновременным испытанием. Партия должна создаваться на пролетарской основе и прежде всего из пролетарских элементов»⁴⁶.

Оппонентов Пеше совершенно не убедила его попытка сослаться на авторитет Ленина. Рабинович поинтересовался: «Когда Ленин заявлял это?», и получив ответ: «С марта по октябрь 1917 г.», отрезал: «Для Ленина в названный период фундаментальным вопросом была борьба против меньшевиков». Делегата КИМа поддержал Кодовилья: «Ссылка, сделанная товарищем Сако, не годится, ибо в это время уже была создана большевистская партия»⁴⁷. Они не разъяснили искреннего недоумения Пеше: «решение, которое предлагает перуанская делегация, имеет свои опасные стороны. Однако надо учитывать, что мы не понимаем: какое другое решение можно принять? <...> Если отказаться от интеллектуалов и мелких буржуа, то на базе каких элементов будет создана партия? Все товарищи в Перу считают, что надо создавать С.П. с четкой декларацией о классовой борьбе». Эмбер-Дро вынес жесткий вердикт: «Решение ясно: создание нелегальной К.П. для проникновения в рабочие и крестьянские массы», дополненный З.М.Рабиновичем: «Надо создать аппарат, способный сопротивляться реакции»⁴⁸.

Тем не менее в Буэнос-Айресе перуанским делегатам было заявлено, что Коминтерн рассматривает группу «Амаута» как свою будущую секцию, и пригласил ее участвовать в конференции как «эмбрион коммунистического движения в Перу», в надежде на выполнение перуанскими коммунистами *«взятых здесь на себя обязательств, после процесса очищения, который мы полагаем необходимым»*⁴⁹.

Делегат Коминтерна все время подчеркивал: мы «лишь хотим указать вам на наш международный опыт». Перуанцев предостерегали от повторения ситуации, сложившейся в Колумбии и Мексике, где «имеются крупные партии, в которых, однако, нет консолидированного руководства», и возможности «наличия в Перу способного руководства, не обладающего в то же время массовой партией». При этом рецепта создания массовой партии сторонникам Мариатеги не давали⁵⁰.

То, что это именно так, подтверждала критика взглядов Мариатеги относительно необходимости создания пролетарской партии, которые квалифицировались как «путанные». Кодовилья предъявил «Амауте» обвинение в солидарности с позицией Виктора Рауля Айя де ла Торре по поводу «невозможности трансплантировать европейские системы в Латинскую Америку» и пропаганды «индоамериканского социализма». Настаивая на необходимости учитывать национальную специфику, он отказывал Мариатеги в

* Международная организация помощи борцам революции (МОПР) — коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красному Кресту. Имея отделения в десятках стран мира, оказывала денежную и материальную помощь осужденным революционерам. — *Прим. ред.*

праве говорить об особенностях «перуанской действительности» и утверждал: «наши перуанские товарищи все еще не обрели коммунистическую идеологию»⁵¹.

Аргентинский ментор латиноамериканского коммунистического движения явно стремился внести раскол в руководящее ядро PSP, противопоставляя позиции «Амауты» и Мартинеса де ла Торре, который, по мнению Кодовильи, обладал более ясной концепцией коммунизма и политической партии, не делая «тех оговорок, которые делает Мариатеги»⁵².

Возможно, столь жесткая позиция была вызвана раздражением от необходимости вести затяжные теоретические баталии с группой, состоявшей из семи человек (к первой конференции выросшей до 15). Коминтерновские бюрократы явно не осознавали реальную степень влияния Мариатеги, его соратников и его журнала на революционные массы. Может быть, именно поэтому их так обрадовало появление на горизонте «Коммунистической партии Куско», заявившей о готовности присоединиться к Коминтерну⁵³. Для Южноамериканского Секретариата этот факт подтверждал наличие в Перу «субъективных условий — объективные мы не обсуждаем (ибо экономическая и политическая ситуация в стране позволяют развивать коммунистическую партию)», — писал Кодовилья, — «для создания революционного авангарда трудящихся масс»⁵⁴.

Другой причиной благожелательной реакции регионального представительства ИККИ стала возможность перестать складывать в Перу «все яйца в одну корзину» с появлением альтернативы группе «Амаута». Тот факт, что о ней пока ничего не известно и что она ничем себя не проявила, был не столь важен: первой реакцией ЮАСКИ на информацию о создании новой коммунистической группы в Перу было обещание оказать ей «всякого рода поддержку» для организации «работы по консолидации партии и прежде всего для того, *чтобы та не оставалась [коммунистической] партией Куско, а стала бы Коммунистической партией всей страны*»⁵⁵.

При этом группам Куско и Лимы предлагалось установить контакты и вместе работать над созданием компартии всей страны⁵⁶. Однако сторонники Мариатеги еще до указаний из Буэнос-Айреса делали попытки связаться с единственными из Куско и Арекипы, но поначалу они не были успешны из-за отсутствия средств⁵⁷. Информированность и инициативность лимских сторонников Коминтерна говорила об их серьезных претензиях на роль объединительного центра всех коммунистов Перу. В то же время «коммунистическая партия Куско» не стремилась к контактам с Мариатеги, предпочитая взять на себя функции создателя общенациональной компартии⁵⁸. Но Южноамериканский Секретариат был готов и на установление официальных контактов с «коммунистической партией Куско».

Коминтерновские представители одобрительно отнеслись к программе PSP, представляемой перуанскими делегатами, рассматривая ее как основу создания «партии на революционной основе с немедленными требованиями, учитывающими нужды рабочих масс, которая основывала бы свою деятельность на принципах классовой борьбы», но подозревали, что в методах ее реализации, предлагаемых Мариатеги, заложено стремление создать «широкую Социалистическую партию»⁵⁹.

Поэтому перуанцев призывали как можно быстрее публично объявить о формировании пролетарской партии, не считаясь с их возражениями, свя-

занными с тем, что это неизбежно вызовет репрессии, к которым партия не будет готова, пока не создаст эффективную нелегальную организацию. Иногда дискуссия напоминала диалог глухих. Эмиссар КИМа З.Рабинович считал невозможным для партии оставаться «анонимной», не вникая доводам перуанцев, считавших необходимым до публичного провозглашения Социалистической партии подготовить группу для нелегальной работы. Ему вторил Кодовилья: «Надо сообщить о партии и продемонстрировать массам, что та присутствует во всех видах их деятельности... Зачем столько разговоров о легальной партии, если эта самая легальная партия держится в условиях нелегальности?»⁶⁰.

Перуанские делегаты связывали возможность открытого провозглашения партии с предстоявшими выборами, но их смущала возможность ареста своих кандидатов. Для Эджидио Дженнари из ИККИ проблемы не существовало: «Надо выдвигать кандидатов, которые находятся за границей, на острове* и т.п.». Еще более упрощенное видение предложил Кодовилья: он считал, что в случае применения властями репрессий вполне реально провести антиправительственных манифестации и что коммунисты могут принять участие в крупном революционном движении, для которого есть все объективные условия. «Но надо действовать, стратегию данной деятельности можно обсуждать, но хуже всего в настоящий момент — это пассивность», — призывал руководитель региональной структуры Коминтерна⁶¹.

Дискуссия в Буэнос-Айресе завершилась резюме секретаря ЮАСКИ: «Я настаиваю на том, что надо создать Коммунистическую, а не Социалистическую партию. В любом случае социальный состав партии должен соответствовать одному классу: городским и сельскохозяйственным рабочим»⁶². Делегатам Перу было предложено остаться до тех пор, пока не будет завершено написание программы партии, подготовлен план ее работы, а затем воплощать его в жизнь с помощью Секретариата.

Первая конференция компартий Латинской Америки, безусловно, стала важным рубежом в развитии континентального революционного движения, подведя итоги десятилетнего пути. Коминтерн и его латиноамериканские секции сумели нащупать болевые точки и проблемы, требующие незамедлительного решения. В тоже время буэнос-айресский форум продемонстрировал двойственность подходов высшей иерархии Третьего Интернационала к определению стратегии и тактики латиноамериканского коммунистического движения. Новую попытку покончить с маргинальным положением в рабочем движении большинства стран региона и найти путь к завоеванию масс, возглавив антиимпериалистическую революцию, коммунисты Латинской Америки предприняли в ходе состоявшейся в Москве в 1930 г. второй конференции компартий. Это начинание, однако, завершилось неудачей в связи с недостаточной подготовкой и случайным подбором делегатов (ими стали коммунисты — участники Пятого конгресса Профинтерна). Более успешным оказался опыт третьей конференции коммунистических партий Южной и Карибской Америки (Москва, 1934 г.)**, на которой еще до VII конгресса был поставлен вопрос о создании в Ла-

* На острове Фронтон находилась тюрьма, в которой содержались политические заключенные.

** В литературе ее долго называли конференцией в Монтевидео.

тинской Америке народного фронта. Это дало возможность коммунистическим партиям, несмотря на все противоречия, методом проб и ошибок, пройдя через серьезные поражения, превратиться в 30-е годы в важный элемент политической жизни своих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Buenos Aires, 1929.

² Великий Октябрь и коммунистические партии Латинской Америки. М., 1978, с. 25—27; Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 306.

³ M. C a b a l l e r o. La Internacional Comunista y la revolucion latinoamericana. Caracas, 1987; reedicion – Editora Alfa, 2006; B. G o l d e n b e r g. Kommunismus in Lateinamerika. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1971.

⁴ B. S o a r e s P e r e i r a. A primeira conferencia comunista latino-americana: ideias marxistas e o carater da revolucao na America Latina. — Anais do V Simposio Internacional Lutas Sociais na America Latina. «Revolucoes nas Americas: passado, presente e futuro». 10 a 13/IX/2013. — http://www.uel.br/grupo-pesquisa/gepal/v10_bernardo_GVI.pdf; M. B e c k e r. Mariategui y el problema de las razas en America Latina. — Revista Andina. N.35, julio 2002, pp. 191—220. Эта ремарка касается и статей авторов, имевших доступ к архивам Коминтерна, см., например: O. C r u z C a p o t e. La Primera Conferencia de los Partidos Comunistas Latinoamericanos. — Santiago, N 75, Ene-Jun, Santiago de Cuba, 1993.

Заметным исключением являются работы немецкого ученого Ю.Мотеса, однако преждевременная смерть не позволила ему в полной мере развить начатые исследования. См.: J. M o t h e s. Luis' gegen Mariategui? Zur Rolle von Jules Humbert-Droz bei der Entwicklung der Lateinamerikapolitik der Kommunistischen Internationale. — Centenaire Jules Humbert-Droz: Actes. La Chaux de Fonds, Suisse: Fondation Jules Humbert-Droz, 1992; J. M o t h e s. Jose Carlos Mariategui und die Komintern: Documentation aus dem KI-Archiv Moskau. — The International Newsletter of Historical Studies on Comintern, Communism, and Stalinism. 1996. vol. 3. NN.7—8.

⁵ Стенограмма доклада Ж.Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и I Конференции коммунистических партий Латинской Америки. 12 июля 1929 г. — РГАСПИ. ф. 495. оп. 79. д. 53. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1998, с. 98; J. H u m b e r t - D r o z. De Lénine á Staline. Dix ans au service de l'Internationale communiste (1921—1931). Neuchatel, 1971, p. 388.

⁶ Делегаты Гватемалы и Сальвадора, например, подробно познакомили руководство с историей и социально-политическим положением своих стран и проблемами развития революционного движения. — Гватемала. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 70—71; Сан-Сальвадор. — Там же, л. 72; Беседа с делегациями Гватемалы и Сальвадора. 12 июня 1929 г. — Там же, л. 78.

⁷ Беседа с делегацией Панамы. 12 июня 1929 г. — Там же, оп. 116, д. 2, л. 1-2.

⁸ Первая встреча лидера РСВ А.Перейры с Л.К.Престесом произошла в декабре 1927 г. в Боливии, где «рыцарь надежды» находился с группой своих соратников. На переговорах обсуждалась проблема политического альянса коммунистов и «Колонны Престеса» и, в более широком плане, союза революционного пролетариата, находящегося под влиянием компартии, и народных масс, в особенности крестьянства, находящихся под влиянием «Колонны». Впоследствии Престес расценил эти контакты, во время которых он «получил первые сведения о русской революции, о коммунистическом движении» и ознакомился с марксистской литературой, как важный рубеж в своей жизни. — A. P e r e i r a. Formação do РСВ (Partido Comunista Brasileiro). 1922/1928. Lisboa, 1976, p. 131—132; Л. К. П р е с т е с. Выбор, сделанный полвека назад. — Проблемы мира и социализма. 1973, № 1. с. 78.

⁹ Беседа с делегатами Бразилии о проблеме тактики. 12 июня 1929 г. — РГАСПИ. ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 79.

¹⁰ Там же, л. 80.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 81.

¹³ Ж. А м а д у. Луис Карлос Престес. М., 1951, с. 203—204.

¹⁴ Б.И.К о в а л ь. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005, с. 92.

¹⁵ Подробнее о переговорах членов ЦК РСВ Л. Басбаума и П. Ласерды (июль 1929 г., Буэнос-Айрес) с руководителями тенентистского движения — Престесом, Сикейрой Кампосом и Жуаресом Таворой см.: Б.И.К о в а л ь. Указ. соч., с. 92—95.

¹⁶ Беседа с делегатами Мексики. 11 июня 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 26—27.

¹⁷ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Buenos Aires, 1929, p. 191.

¹⁸ Ibid., p. 98.

¹⁹ Ibidem. Для мексиканского историка рабочего движения Гарсиа Тревиньо призыв Суареса выглядит как «послушное и раболопное восприятие» им приказов Кодовильи и Луиса, т.е. тех участников конференции, которые подвергли авантюристический тезис мексиканского делегата резкой, аргументированной критике. Дискуссии на конференции Тревиньо не заметил и пришел к выводу о том, что «делегаты приняли без исключений и оговорок инструкции Луиса и Кодовильи». — R. G a r c í a T r e v i ñ o. La ingerencia rusa en México (y Sudamerica). Pruebas y testimonios. México, 1959, p. 95.

²⁰ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 306. Следует отметить участие в авторском коллективе В. Кодовильи, который через 40 лет воспроизвел свою публичную позицию, но не счит возможным обратиться к содержанию культурной дискуссии.

²¹ Беседа с делегацией Мексики. 28 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 22.

²² Там же, л. 23.

²³ Стенограмма доклада Ж.Эмбер-Дро... с. 117.

²⁴ El Movimiento Revolucionario... p. 191.

²⁵ Беседа с делегацией Мексики. 28 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 26—27.

²⁶ После ликвидации генеральского мятежа, в которой важную роль сыграли крестьянские отряды, власти обвинили некоторых лидеров LNC в «антиправительственном заговоре» и запретили в июне 1929 г. РСМ. — См.: История Латинской Америки. 1918-1945. М., 1999, с. 27—28.

²⁷ Беседа с делегацией Соединенных Штатов. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 6. Делегата Коминтерна, возможно, вдохновлял пример Д.Хартфилда (если он вообще знал о подробностях одиссеи этого загадочного американского коммуниста), но вряд ли в секциях стран-метрополий можно было отыскать хотя бы несколько таких же самоотверженных, знающих языки, теоретически подкованных партийцев.

²⁸ Беседа с делегациями Гватемалы и Сальвадора. 12 июня 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 78.

²⁹ Предложение по перуанскому вопросу. [Служебная записка Латиноамериканского лендер-секретариата]. 28 мая 1928 г. — Там же, оп. 118, д. 41, л. 1. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка... с.81.

³⁰ Документ без названия [о состоянии революционного движения в Перу]. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 8, л. 15.

³¹ Документ без названия... — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 8, л. 18.

³² Предложение по перуанскому вопросу... — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка... с. 82.

³³ Письмо № 8. ЮАСКИ [В. Кодовильи] в Латинский Секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 19 ноября 1928 г. — РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 55.

³⁴ Там же.

³⁵ Письмо № 175 ЮАСКИ [В. Кодовильи] Х.К.Мариатеги. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. — Там же. ф.495, оп. 118, д. 6, л. 15.

³⁶ Там же.

³⁷ См., например: A. F l o r e s G a l i n d o. La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern. Segunda edición. Lima, 1982; J. d e l P e r a d o. En los años cumbres de Mariátegui. Lima, 1983.

³⁸ Ю.П.Г а в р и к о в. Совесь Перу. О Хосе Карлосе Мариатеги и его единомышленниках — перуанских коммунистах. М., 1987, с. 188.

³⁹ Там же, с. 188-189.

⁴⁰ Письмо ЮАСКИ [В.Кодовильи] в Латинский Секретариат Коминтерна Жюлю [Эмбер-Дро]. Буэнос-Айрес, 22 декабря 1928 г. — РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 70.

⁴¹ Письмо №. 171 ЮАСКИ [В. Кодовильи] Р.Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. Там же, л. 10.

⁴² Там же.

⁴³ Х. д е л ь П р а д о. Единство мысли, воли, действия. - Латинская Америка. Народы против империализма. Прага, 1986. с. 214.

⁴⁴ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 17-19; Беседа с делегатами Перу. 13 июня 1929 г. — Там же. л. 22.

⁴⁵ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 19-20.

⁴⁶ Там же, л. 20.

⁴⁷ Там же, л. 21.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. л. 26.

⁵⁰ Письмо № 8. ЮАСКИ [В. Кодовильи] в Латинский Секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 19 ноября 1928 г. — РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 55.

⁵¹ Беседа с делегацией Перу. 13 июня 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 27.

⁵² Беседа с делегацией Перу. 30 мая 1929 г. — Там же, л. 18.

Судя по воспоминаниям Х. Портокарреро, Кодовилья целенаправленно пытался внести раскол в консолидированную «группу 7», противопоставив его, как рабочего, Мариатеги и членам группы — интеллигентам. Во время работы конференции секретарь ЮАСКИ пригласил «Самору» на приватную беседу домой, где кроме них присутствовала только жена Кодовильи Итала, и задал ему прямой вопрос: «Почему не Вы секретарь партии в Перу?». Ответ Портокарреро «Единственный, кто может быть секретарем партии — Хосе Карлос Мариатеги», явно не удовлетворил аргентинца, заметившего: «Дело в том, что можно предоставить все возможности, чтобы Вы могли развернуться в секретариате». Кодовилья явно хотел вбить клин между перуанскими делегатами на конференции, очевидно считая, что интеллигент Уго Пеше плохо влияет на рабочего Портокарреро. В качестве примера можно привести эпизод, произошедший в столовой во время обеда делегатов, когда в отсутствие Пеше («Сако») секретарь ЮАСКИ бросил фразу: «Посмотрите. Сегодня Самора без своего пиджака (saco)». Кодовилья явно хотел показать зависимость Портокарреро от Пеше, задеть его самолюбие. См.: J. P o r t o c a r r e r o. Op. cit., p. 185.

⁵³ Группа Куско, насчитывавшая около 100 человек, была создана в феврале 1927 г., и ее деятельность была, по оценке Ю.П. Гаврикова, «далека от научного социализма». — Ю.П. Г а в р и к о в. Указ. соч., с. 173—174. О коммунистическом движении в Куско см.: L. J u l i o G. G u t i é r r e z. Así nació el Cuzco rojo. Contribución a su historia política: 1924—1934. Lima, 1986.

⁵⁴ Письмо № 171 ЮАСКИ [В. Кодовильи] Р. Мартинесу де ла Торре... л. 9.

⁵⁵ Письмо № 172 ЮАСКИ [В. Кодовильи] Коммунистической партии Куско. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 6, л. 5.

⁵⁶ Письмо № 171... л. 9; Письмо № 172... л. 5.

⁵⁷ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 16-17. Позднее, чтобы устранить сложившееся недоверие провинциальных коммунистических групп к Оргкомитету PSP, к ним в качестве связного был направлен аргентинский художник Х. Маланка, который, хотя и не был коммунистом, пользовался у перуанских левых авторитетом. — Ю.П. Г а в р и к о в. Указ. соч., с. 173.

⁵⁸ Как писал лидер коммунистов Куско Серхио Кальер основателю группы «Революция» (Арекипа) Гильермо Меркадо, у его ячейки три приоритета: окончательный разрыв с апризмом, отклонение намеков на присоединение к PSP Мариатеги и подготовка к организации Коммунистической партии Перу. — R. M a r t i n e z d e l a T o r r e. Apuntes para una interpretación marxista de historia social del Perú. Lima: 1928. т. II, p. 371. — Цит. по: A. F l o r e s G a l i n d o. La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern. Segunda edición. Lima, 1982. p. 96.

⁵⁹ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г... л. 22.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Беседа с делегатами Перу. 13 июня 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 23—24.

⁶² Там же, л. 22.